

Научная статья

УДК 347.9

DOI: 10.47475/2618-8236-2023-8-4-10-14

Принцип добросовестности в арбитражном процессе

Ирина Александровна Горлатых

Арбитражный суд Челябинской области, Челябинск, Россия
kgprav@csu.ru

Юлия Владимировна Худякова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
Uhudyakova@gmail.com

Аннотация. Рассматривается принцип добросовестности, анализируются особенности добросовестного и недобросовестного поведения при осуществлении прав и законных интересов граждан. Кроме того, в статье доказывается существование принципа добросовестности как в судебной практике, так и в арбитражном процессуальном праве, раскрывается содержание принципа. На основе анализа авторы приходят к выводу, согласно которому закрепление принципа добросовестности в арбитражном судопроизводстве является в настоящее время актуальным, при этом необходимо соблюдение баланса интересов всех участников арбитражного процесса.

Ключевые слова: принцип добросовестности, арбитражный процесс, злоупотребление правом, субъекты гражданских правоотношений

Для цитирования: Горлатых И. А., Худякова Ю. В. Принцип добросовестности в арбитражном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 8, вып. 4. С. 10–14. DOI: 10.47475/2618-8236-2023-8-4-10-14

Original article

The Principle of Good Faith in the Arbitration Process

Irina A. Gorlatykh

Arbitration Court of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia
kgprav@csu.ru

Yulia V. Khudyakova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
kgprav@csu.ru

Abstract. The article examines the principle of good faith, analyzes the features of conscientious and unscrupulous behavior in the exercise of the rights and legitimate interests of citizens. In addition, the article proves the existence of the principle of good faith both in judicial practice and in arbitration procedural law, reveals the content of the principle. Based on the analysis, the authors come to the conclusion that the consolidation of the principle of good faith in arbitration proceedings is currently relevant, while the need to maintain a balance of interests of all participants in the arbitration process is indicated.

Keywords: arbitration process, the principles of arbitration law, abuse of rights

For citation: Gorlatykh IA, Khudyakova YuV. The Principle of Good Faith in the Arbitration Process. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2023;8(4):10-14. (In Russ.).* DOI: 10.47475/2618-8236-2023-8-4-10-14

Добросовестность представляет собой оценочную категорию и в то же время правовое понятие. В теории много дискуссий относительно необходимости закрепления принципа добросовестности в качестве правового, поскольку в этом случае есть риск, что он будет являться «каучуковой» нормой, то есть рассчитанной на широкое судебское усмотрение.

В теории права и процесса понятие добросовестности подразделяют на два вида: субъективное и объективное. Добросовестность в субъективном смысле заключается в формуле «не знал и не должен был знать», то есть воспринимается как некое психическое состояние лица. Объективная же добросовестность, которая используется, например в обязательственном праве, — это требование к должному поведению, в вещном праве — добросовестное при-

обретение. В качестве общего принципа используется именно объективная добросовестность.

Аналогично пишут о добросовестности, например, английские юристы. В частности, ситуацию объективной недобросовестности они часто описывают словами «сторона недобросовестна» (party in bad faith), в то время как большинство континентальных юристов сказали бы, что «сторона действует недобросовестно» (the party is acting in bad faith).

И. Б. Новицкий определяет добрую совесть в качестве внешнего мерила, то есть в объективном смысле как минимальный стандарт поведения в обществе. Это некая черта, ниже которой недопустимо опускаться в своем поведении. Следовательно, недобросовестность — это нарушение какого-то минимального стандарта, однако очень сложно определить границу этого самого стандарта [4, с. 201].

Принцип добросовестности в гражданском праве предполагает необходимость соответствия деятельности субъектов духу честности, разумности, соблюдения баланса интересов сторон и данным ими обещаниям. При этом суть принципа добросовестности состоит в том, что он представляет собой некую оценочную категорию, которая по-своему толкуется каждым субъектом ситуации, социума, правового порядка, и в то же время — универсальна для правовых систем современности подобно иным принципам нравственности (добрых нравов), признанных на глобальном уровне в международных конвенциях, в частности запрет принудительного и детского труда, предотвращение «отмывания» денег и т. д. [3, с. 217].

С 30 декабря 2012 г. принцип добросовестности впервые закреплен в Гражданском кодексе РФ (далее — ГК)¹. Согласно п. 3 ст. 1 ГК при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.

Однако это не означает, что до 30 декабря 2012 г. в ГК не предусматривалась добросовестность участников гражданских правоотношений. Не будучи обозначенной в качестве принципа гражданского права, добросовестность как требование к поведению субъектов гражданских правоотношений вытекала из толкования ст. 10 ГК [5, с. 122].

Вместе с тем арбитражным судам принцип добросовестности известен еще задолго до появления указанных выше норм. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в своей практике не раз обращался к принципу доброй совести.

Упоминание принципа добросовестности можно было заметить в контексте с другими принципами, например, из постановления ФАС Северо-Кавказского округа от 05.02.1998 по делу № Ф08-99/98:

¹ О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса РФ : Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. 31 декабря. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

«Судебный акт, не соответствующий требованиям добросовестности, разумности и справедливости, не может быть признан правосудным, а неправосудный акт не является законным, даже в том случае, если суд формально применил норму права».

Также в теории неоднократно звучали предложения о внесении изменений в ст. 13 АПК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«В случаях, если спорные отношения прямо не урегулированы федеральным законом и другими нормативными правовыми актами или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай делового оборота, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, арбитражные суды применяют нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм рассматривают дела исходя из общих начал и смысла федеральных законов и иных нормативных правовых актов (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости» [1, с. 86].

Однако, не дожидаясь внесения изменения в законодательство, заинтересованные лица, участвующие в арбитражном процессе, могут и должны акцентировать внимание суда на необходимости соблюдать принципы добросовестности, разумности и справедливости.

Первое упоминание в ВАС РФ о добросовестности появилось в 2002 г. в информационном письме Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой», в котором говорилось о «добросовестном арендаторе», а также о «добросовестном исполнении обязательства». В законе добросовестность появилась вследствие ее разработанности в правоприменительной практике.

Например, в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств»² усматривается следующее: «В силу положений частей 2 и 3 статьи 41 АПК РФ лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, в том числе своевременно предъявлять встречные иски (ст. 132 Кодекса), заявлять возражения. Злоупотребление процессуальными правами либо неисполнение процессуальных обязанностей лицами, участвующими в деле, влечет для этих лиц предусмотренные Кодексом неблагоприятные последствия».

Одним из ключевых постановлений Президиума ВАС РФ, определяющих принцип добросовестности в арбитражном процессе, является постановление № 3585/10 от 20.10.2010, в котором требование к добросовестности при исполнении обязательств суд вывел из ст. 309 ГК.

² Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.

Как установлено судами, между сторонами заключен договор поставки, по условиям которого поставщик обязался передать в собственность покупателю товар — цветной металл, а покупатель обязался принять и оплатить товар на условиях, предусмотренных договором. При этом товар доставлялся до конечного покупателя железнодорожным транспортом.

В данной ситуации, в силу ст. 309 ГК, перевозчик должен был исполнять свои обязательства исходя из требований разумности, добросовестности.

В соответствии со ст. 27 Устава железнодорожного транспорта перевозчик имеет право проверять достоверность массы грузов и других сведений, указанных грузоотправителями в транспортных железнодорожных накладных.

Учитывая, что перевозке подлежал цветной металл, который наиболее часто является объектом хищений, перевозчик должен был действовать разумно и осмотрительно и принять меры к недопущению утраты груза¹.

В дальнейшем, в своем постановлении Президиум ВАС РФ № 3318/11 от 25.07.2011 назвал добросовестность в числе иных принципов гражданских правоотношений, указав на следующее.

Так, в силу п. 3 ст. 450, п. 2 ст. 453 ГК односторонний отказ от исполнения договора влечет за собой прекращение договорных обязательств.

Однако сами по себе ссылки общества на направление им уведомления об отказе от исполнения договора не дают оснований для вывода о безусловном наступлении указанных правовых последствий.

Лицо, состоящее в договорных отношениях с другим лицом, не может предполагать о прекращении этих отношений по правилам п. 3 ст. 450 ГК до тех пор, пока оно не будет проинформировано об одностороннем отказе контрагента от исполнения сделки, а потому договорные отношения считаются прекращенными с момента доставки соответствующего уведомления.

Поскольку гражданские отношения основаны на принципах равенства сторон этих отношений, добросовестности их поведения, соразмерности мер гражданско-правовой ответственности последствиям правонарушения, то стороны договора должны действовать, руководствуясь в том числе соображениями сотрудничества.

Действия общества, получившего всю цену договора лизинга с правом выкупа, но настаивающего не на применении к лизингополучателю мер ответственности, таких как уплата неустойки либо возмещение причиненных просрочкой убытков, а на признании договора прекращенным и изъятии предмета лизинга, не отвечают принципам равенства сторон, добросовестности их действий и соразмерности ответственности².

¹ Постановление Президиума ВАС РФ № 3585/10 от 20.10.2010 г.

² Постановление Президиума ВАС РФ № 3318/11 от 25.07.2011 г.

После этого, в 2012 г. Президиум ВАС РФ часто стал использовать понятие добросовестности.

О необходимости введения принципа процессуальной добросовестности по аналогии с таким же принципом в материальном праве говорил и председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев³. Так, говоря о необходимости закрепления добросовестности как принципа процесса, В. М. Лебедев отмечал, что «сегодня недобросовестность и злоупотребление правом довольно распространенное явление».

В частности, по одному из дел Верховный Суд РФ отметил, что не соответствующее принципу добросовестности бездействие руководителя, уклоняющегося от исполнения возложенной на него Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» обязанности по подаче заявления должника о собственном банкротстве (о переходе к осуществляемой под контролем суда ликвидационной процедуре), является противоправным, виновным, влечет за собой имущественные потери на стороне кредиторов и публично-правовых образований, нарушает как частные интересы субъектов гражданских правоотношений, так и публичные интересы государства. Исходя из этого законодатель в п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве презюмировал наличие причинно-следственной связи между неподачей руководителем должника заявления о банкротстве и негативными последствиями для кредиторов и уполномоченного органа в виде невозможности удовлетворения возросшей задолженности⁴.

В 2015 г. ВС РФ сделал разъяснение о том, в чем состоит в данном случае поддержание принципа добросовестности. Суд подчеркнул, что добросовестным следует считать такое поведение, когда сторона сделки принимает во внимание интересы второй стороны и оказывает содействие, в том числе информационное⁵.

Таким образом, термин «принцип» (от лат. *principium* — начало, первооснова) воспринят не только всеми науками, но и юриспруденцией. Теоретическую и практическую значимость этого понятия, а точнее категории — переоценить невозможно. Правильное понимание принципов и руководство ими имеют существенное значение для каждого человека. [2, с. 28].

С. Г. Дробязко говорил о том, что из всех принципов, свойственных тем или иным явлениям, особо

³ Пашина Е. Лебедев предложил изменить ГК и АПК // Право.ру. 2017. 26 мая.

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2, 2016, утв. Президиумом ВС РФ 06.07.2016. Та же презумпция имеется в действующей редакции главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. от 04.08.2023).

⁵ См. п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

важное значение имеют правовые принципы, потому что только право является единственным базовым общесоциальным, универсальным, интегративным, обязательным, охраняемым государством, самым справедливым и постоянно совершенствуемым регулятором всех жизненно важных общественных отношений [2, с. 28]. Исключительно важное значение принципы права обретают в условиях объективной необходимости усиления роли права в контексте формирования правового государства и правового гражданского общества.

В одной из своих работ И. В. Решетникова указала, что «если говорить о добросовестности как о принципе процессуальных отраслей права, то единственный признак, которому не соответствует добросовестность, отсутствие правового закрепления. Без закрепления добросовестности участников процессуальных правоотношений в качестве принципа можно говорить лишь о нем как о неправовом принципе, что нехарактерно для процессуальных отраслей права» [5, с. 122].

Вместе с тем при рассмотрении дел и вынесении конечного судебного акта суды всё чаще исследуют, в совокупности с представленными доказательствами, добросовестность поведения лиц, участвующих в деле, в частности, по представлению доказательств по делу.

В связи с этим в настоящее время судебная практика активно занимается формированием четких критериев должного поведения лиц, участвующих в деле, в той или иной ситуации, с целью установить добросовестность сторон и исключить злоупотребление правом (ст. 10 ГК).

Подводя итог вышеприведенным рассуждениям, нельзя не согласиться с опасениями И. Б. Новицкого, который высказывался против того, чтобы с помощью принципа доброй совести дать возможность судьям навязывать обороту то, что на их взгляд является правильным [4, с. 38].

Следовательно, закрепление принципа добросовестности в арбитражном процессе на законодательном уровне в настоящее время актуально. Однако при внесении законодательной инициативы целесообразнее соблюдать баланс интересов всех участников арбитражного процесса с целью исключения навязывания определенных требований к поведению субъектов гражданских правоотношений, вытекающих из предпринимательской деятельности. Необходимо, чтобы суд максимально указывал на конкретные обстоятельства, которые сыграли определяющую роль в его решении уточнить, дополнить или исправить норму закона.

Список источников

1. Добровольский В. И. Актуальные вопросы арбитражного законодательства: о чем молчит Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. М. : Волтерс Клувер. 2010. 312 с.
2. Дробязко С. Г. Принципы в праве // Проблемы развития юридической науки и совершенствование правоприменительной практики : сб. науч. тр. Минск : БГУ, 2005. С. 27–33.
3. Кабанова И. Е. Некоторые аспекты реализации принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в правоотношениях с участием органов публичной власти и их должностных лиц // Гражданское право. 2014. № 5. С. 24–29.
4. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124–281.
5. Решетникова И. В. Презумпция добросовестности в арбитражном процессе // Закон. 2017. № 9. С. 120–127.

References

1. Dobrovolsky VI. Actual issues of arbitration legislation: what the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation is silent about. Moscow; 2010. 312 p. (In Russ.).
2. Droblyazko SG. Principles in law. In: Problems of development of legal science and improvement of legal practice: collection of scientific articles. Minsk; 2005. Pp. 27–33. (In Russ.).
3. Kabanova IE. Some aspects of the implementation of the principle of good faith and the inadmissibility of abuse of law in legal relations involving public authorities and their officials. *Civil law*. 2014;(5):24-29. (In Russ.).
4. Novitsky IB. The principle of good conscience in the draft law of Obligations. *Bulletin of Civil Law*. 2006;(1): 124-281. (In Russ.).
5. Reshetnikova IV. Presumption of good faith in the arbitration process. *Zakon*. 2017;(9):120-127. (In Russ.).

Информация об авторах

И. А. Горлатых — судья Арбитражного суда.

Ю. В. Худякова — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института права.

Information about the authors

Irina A. Gorlatih — Judge of the Arbitration Court.

Yulia V. Khudyakova — Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 16.11.2023.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 16.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.